

Ольга Погодина-Кузмина

ФИГЛЯРЫ

ПОВЕСТЬ

Мелодия текла из-под его пальцев, переливаясь, как блики света на поверхности воды. И Шуберт вдруг отчетливо осознал, что только по случайности попал в волшебную страну, где струится поток забвения, и скоро должен будет навсегда ее покинуть.

Ошеломленный, он почувствовал, как слезы подступают к горлу. Затем наступила тишина.

18+

Санкт-Петербург

2017

Ольга Погодина-Кузмина

Фигляры

«Ольга Погодина-Кузмина»

2017

Погодина-Кузмина О.

Фигляры / О. Погодина-Кузмина — «Ольга Погодина-Кузмина»,
2017

«Луч света проник сквозь шторы, коснулся лица, и Шуберт открыл глаза, осторожно огляделся. Прислушался к равномерному клочотанию внутри человеческой туши, оттеснившей его к самому краю постели. Затем осторожно выбрался из простыней и стал одеваться, стараясь производить как можно меньше шума...» Повесть, текст в авторской редакции.

Ольга Погодина-Кузмина

Фигляры

Луч света проник сквозь шторы, коснулся лица, и Шуберт открыл глаза, осторожно огляделся. Прислушался к равномерному клочкотанию внутри человеческой туши, оттеснившей его к самому краю постели. Затем осторожно выбрался из простыней и стал одеваться, стараясь производить как можно меньше шума. Присел на корточки, чтобы достать из-под кровати свернувшийся клубком носок.

– Сегодня пятница? – голос прозвучал так неожиданно, что Шуберт замер, словно застигнутый с поличным.

– Воскресенье, – Шуберт мысленно развернул страницы школьного дневника, по которому до сих пор отсчитывал дни недели.

– Странно... А куда пропала суббота?

Ощупывая тумбочку в поисках часов, толстяк прокашлялся, сел на постели. Взглянул на циферблат, неспешно застегнул браслет на запястье. И улыбнулся растерянно, словно извинялся за что-то.

Этих неловких минут пробуждения рядом с посторонним человеком, стыда неопрятной наготы, разочарования в складке губ Шуберт старался избегать. Он брал деньги вперед и завел привычку уходить сразу после или под утро, бесшумно одеваясь в темноте. Обычно он плотно прикрывал за собой дверь, изредка оставлял записку с номером телефона. И никогда не брал чужого, зная по рассказам приятелей, какими неприятностями это может закончиться.

Но на этот раз он проспал, потому что две ночи подряд провел у стойки бара в прокуренном зале с колоннами и остатками лепнины на потолке – клуб занимал помещения бывшего дворца культуры. Шуберт танцевал, выпивал. Затем бродил вокруг опустевшего танцпола среди таких же как он одиноких неудачников, дожидаясь времени открытия метро, чтобы ехать домой.

Домом он теперь называл тесную квартиру в спальном районе, которую они снимали на двоих с Павлиной Карловной – так звали в клубе Пашку Уткина. Днем они вместе работали в магазине фототоваров.

Уткин, который уже, кажется, забыл, что когда-то приехал в большой город на поиски счастья, а не проблем, втянул Шуберта в круг своих интересов. Уже второй год они проводили выходные в заведениях, где иногда удавалось заработать немного денег или просто повеселиться в чужой компании.

Шуберт отлично понимал, по какой причине он, в отличие от Павлины, пользуется неизменным спросом. Благодаря маленькому росту и хрупкому сложению его можно было принять за подростка шестнадцати, а то и четырнадцати лет. Зная, что нравится любителям, он отращивал длинную челку, носил футболки со смешными надписями и держался ближе к темным углам, словно опасаясь быть замеченным. Но его замечали те, кто искал, и почти всегда сразу предлагали деньги, чтобы не тратить времени и не привлекать лишнего внимания.

С клиентами он больше молчал, изображая застенчивость. Впрочем, в глубине души он и был застенчивым пареньком, которого жизнь влекла по течению мимо опасных водоворотов и рифов, по какой-то своей прихоти пока оберегая от больших неприятностей. Конечно, маленьких хватало – но у кого их не бывает?

– Я, наверное, не дал тебе выспаться? – спросил толстяк, приглаживая рыжеватые волосы, растрепавшиеся вокруг уже заметной лысины. – Стоит кашалоту принять горизонтальное положение, он наполняет мир отвратительными звуками... Впрочем, не более отвратительными, чем те, за которые ему обычно платят.

На всякий случай Шуберт отрицательно мотнул головой, но толстяк продолжал сокрушаться.

– Позор и хаос. Нужно написать это на моем лбу, как рыцарский девиз. Я могу опозилить любую святыню. Это мое главное неотъемлемое свойство, помимо жировой прослойки...

Шуберт деликатно промолчал.

Толстяка он встретил вчера на улице, выходя из клуба. Клиент сразу подозвал такси и назвал адрес недорогой привокзальной гостиницы. Шуберт толком разглядел его, только когда тот расплачивался за номер. На вид ему было лет сорок пять, и даже просторный плащ не скрывал его безобразной полноты. Приходило на ум, что он не случайно подъехал к самому закрытию – видимо, рассчитывал выбрать добычу среди тех, кто уже не надеялся хоть что-то заработать этой ночью.

Крякнув, толстяк сел на постели, опустив босые ноги на голый пол, и дешевая гостиничная кровать заскрипела под весом его тела, сливочно-розового и почти безволосого. Шуберт со странным чувством припомнил, как ловко и без видимых усилий тот разделался с ним ночью, начав в тесной ванной и закончив на этой же кровати, которая вроде бы и не скрипела тогда.

Натягивая брюки, толстяк сказал:

– Сразу извини, если что-то... Если обидел тебя словом или делом. Или телом. Бог свидетель, я уважаю твой выбор, либо же его отсутствие. Тем паче, что наша встреча спасла меня от глупого шага, к которому я вплотную приблизился вчера. Не поверишь, я даже пытался перетащить свою задницу через балкон одного многоэтажного дома...

Вчера толстяк пытался объяснять Шуберту теорию каких-то струн, смеялся невпопад и даже декламировал стихи, но от него пахло спиртным, и это служило достаточным оправданием. Теперь же его слова заставили насторожиться. Не то чтобы Шуберт редко слышал подобные разговоры, или боялся их – тема суицида была одной из самых популярных в их среде. Но веселый, даже залихватский тон, которым толстяк сообщил о своем намерении прыгнуть с балкона, вызывал опасения.

– Впрочем, раз уж я опоздал умереть молодым, придется смириться с дальнейшим бездарным существованием, – толстяк сделал паузу и подмигнул Шуберту. – Кроме прочего, это определенно был лучший секс в моей жизни. Небо подсказывает, ты – именно тот, кто мне нужен сегодня. Надеюсь, ты никуда не торопишься, или сможешь отменить свои планы.

– А что нужно делать? – спросил осторожный Шуберт, решив все же, что рассуждения толстяка о самоубийстве не следует принимать всерьез.

– Для начала мы позавтракаем, ни в чем себе не отказывая. Затем прогуляемся по городу... Вероятно, подберем тебе новую одежду – будет вечеринка, и там не следует появляться в столь легкомысленном виде.

Предложение звучало куда заманчивей, чем перспектива провести еще один воскресный день с Павлиной, да и подарки Шуберт получал не часто и готов был, если потребуется, отблагодарить толстяка привычным способом.

– Тот еще террариум, предупреждаю сразу, но отменить не получится. Зато тебе представится возможность меня морально поддержать, – вслепую завязывая на шее галстук, толстяк вздохнул. – Кроме шуток, мне очень хочется, чтоб ты остался со мной, хотя бы до вечера. Само собой, я заплачу и за это.

Он сунул руку в карман и достал растрепанное портмоне.

– Достаточно?

– Спасибо, – ответил Шуберт, опустив глаза.

– Точно? Не обидел тебя?

Шуберт снова мотнул головой, сунул деньги в карман. Сел на стул и, наконец, надел второй носок.

– Да, на всякий случай... Меня зовут Валентин. Валентин Сергеевич.

Ему сразу понравилось в небольшом ресторанчике с видом на площадь, куда привез его толстяк. Посетители, обстановка, официанты в черных рубашках и белых галстуках-бабочках. Атмосфера здесь была, что называется, артистической. Он подумал даже, что в таком месте, наверное, можно встретить звезд экрана и телеведущих, и хорошо было бы привести сюда кое-кого из приятелей. Но, заглянув в меню, решил отложить этот план до лучших времен.

Толстяк, очевидно, был постоянным клиентом заведения, его знали в лицо и по имени. Ночью в такси тот представился, но Шуберт не расслышал слов из-за громкой музыки, а переспрашивать постеснялся. Наутро было совсем уж неловко знакомиться заново. Теперь же он узнал, что толстяка зовут Валентин Сергеевич, что он любит свежие булочки и мясо средней готовности, пьет сладкий чай со сливками и, судя по всему, оставляет официантам хорошие чаевые.

Почему-то постыдившись «разводить» своего спутника на угощение, для себя Шуберт заказал чай и самый дешевый куриный суп. Его слегка подташнивало от тепловатой воды, которой он хлебнул из-под крана в гостиничной ванной, когда приводил себя в порядок.

– Знаешь, я без ума от твоей манеры молчать, – заявил толстяк, поедая огромную пиццу. – Такое редкостное качество. С тобой хочется молчать обо всем на свете... Вот только имя у тебя неудобное. Федор – ты ведь Федор? Звучит как-то старомодно, официально. А Федя – слишком просто, совсем не подходит к амплуа Пьеро. Как тебя называют друзья?

Шуберт покраснел; не из-за комплимента, а потому что их могли слышать. Так и вышло. Проходивший мимо стройный, очень привлекательный официант исподтишка окинул их насмешливым взглядом.

– Шуберт, – пробормотал Шуберт. – Это моя фамилия. Дедушка был немец.

– Не может быть! – воскликнул толстяк и громко расхохотался. – Ты не шутишь?

Немного обиженный, Шуберт пожал плечами.

– А что здесь смешного?

– Это же просто замечательно, Теодор, – толстяк схватил его за плечо и потряс. – Все подтверждает, что боги играют нами, как шахматными фигурами... Я же говорил, еще утром, что должен непременно провести этот день с тобой! Тебе не приходило в голову, что мы – всего лишь ячейки в гигантском запоминающем устройстве? Иногда начинаешь верить в это.

Мужчина лет тридцати, в очках, с модной бородкой, вошел в зал ресторана и быстро направился к их столу.

– Вал, у меня просто нет слов! – воскликнул он, приближаясь. – Ты понимаешь, что я всю ночь переписывал номера больниц и моргов? Это свинство, наконец!

– Может, еще пригодятся, – пригрозил толстяк, щедро сдабривая пиццу оливковым маслом.

– Что у тебя с телефоном? Хорошо, мне позвонили, что ты здесь. Ты можешь объяснить?... Анна на нервах, я схожу с ума, тебя сто людей разыскивает по всему городу...

– Телефон я выключил. И выбросил. Что еще тебя интересует?

Мужчина сел, резко отодвинув стул. Лицо его сделалось злым.

– Значит, все продолжается? Я думал, ты взрослый человек.

– Именно поэтому, – ответил Валентин.

– Ты издеваешься? Думаешь, я тебя буду уговаривать? Да я первый все брошу! Вот прямо сейчас, повернусь и уйду, и ты меня больше не увидишь!

Шуберт, невольный свидетель чужой ссоры, застыл на стуле, вжав голову в плечи. Толстяк невозмутимо жевал.

– Нет, ты, пожалуйста, меня послушай, – незнакомец внезапным движением выхватил вилку из его руки. – Ты устал, выдохся, я понимаю... Я сам исчерпан, как бойцовая собака. Но мы в одной упряжке! Мы не можем ничего отменить. Ты знаешь, какие будут последствия!

Валентин Сергеевич задумчиво рассматривал недоеденный кусок пиццы. Очкарик спрятал вилку в карман.

– Ну хорошо, о'кей! Попробуем перенести Варшаву, пока не вложились в рекламу... Прокатим фестиваль. Дам тебе две недели отпуска! Две недели, куда хочешь. Бали, Мальдивы, Доминикана. Но только не сейчас. Я по-человечески прошу тебя, Вал.

Движением пальца подозвав официанта, Валентин попросил другой прибор и снова начал есть. В эту минуту незнакомец в первый раз посмотрел на Шуберта и вдруг сделал оскорбленное лицо.

– Это кто?

– Прости, я не познакомил. Это Шуберт. Это Матвей, мой администратор.

– Ты можешь объяснить, что вообще происходит?

– Это не имеет ровным счетом никакого значения, – пробормотал толстяк с набитым ртом.

– Конечно, ничего не имеет значения, в этом весь ты, – вскинулся Матвей. – Тонны эгоизма, помноженные на вздорный характер! Ты же ничему не учишься. Тебе плевать на всех! На Анну, на меня... Если бы твое имя не стоило дороже, чем вся эта чертова звукозаписывающая компания...

– Знаешь, мы оба слишком долго находились во власти заблуждения, что мир рухнет, если я перестану садиться за инструмент, а ты – переворачивать страницы, – проговорил толстяк. – Я просто предлагаю взглянуть на вещи трезво. Если мы прекратим этим заниматься, не произойдет ровным счетом ничего. Сумерки. Снег. Тишина.

Шуберт давно перестал понимать смысл разговора и поймал себя на том, что исподтишка разглядывает стройного официанта. Такие юноши казались недостижимым идеалом, и он привычно погрузился в печаль, вспомнив свой маленький рост, нечистую кожу и бедственное материальное положение. Он часто размышлял о том, как бы все сложилось, прибавь ему судьба лишних десять-пятнадцать сантиметров, которые ровно ничего ей не стоили, раз она так щедро одаряла ими других.

– Превосходно! – закричал вдруг Матвей. – Великолепно! Зачеркни все, растопчи... Я умываю руки! Я признаю – ты прав. Да, ты *не*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.